

ПРЕДИСЛОВИЕ

Недавно в журнале *Magasin pittoresque* мы прочли уникальную в своем роде историю о девочке лет девяти или десяти, найденной в 1731 году в лесу близ Шалона. Не удалось выяснить, ни где она родилась, ни откуда пришла. О более раннем детстве у нее не сохранилось никаких воспоминаний. Сопоставляя отрывочные сведения, которые она сообщала о различных периодах своей жизни, предположили, что она родилась где-то на Севере Европы, вероятно среди эскимосов. Оттуда ее увезли на Антильские острова, а уже затем во Францию. Она утверждала, что дважды пересекала большие участки моря, и вызывала волнение, когда ей показывали изображения хижин или лодок из мест обитания эскимосов, либо тюленей, либо сахарного тростника и другой продукции с островов Америки. Она как будто довольно четко припоминала, что была невольницей у хозяйки, очень ее любившей, зато хозяин терпеть ее не мог и посадил на отплывающий корабль¹.

Мы воспроизводим этот рассказ, о достоверности которого нам ничего не известно и который мы знаем лишь из вторых рук, потому что он позволяет понять, в каком смысле можно говорить, что память зависит от социального окружения. В девять или десять лет у ребенка много воспоминаний, как свежих, так и довольно давних. Что же останется от них, если его внезапно оторвать от близких и перевезти в страну, где не говорят на его родном языке, где ни во внешнем облике, ни в обычаях людей он не находит ничего привычного ему до сих пор? Ребенок оставил одно общество и попал в другое. И похоже, что в этом новом обществе он сразу же утратил способность вспоминать о том, что он делал, что его впечатляло, что он с легкостью припоминал в старом. Чтобы в том обществе, где он теперь обретается, у него вновь

¹ *Magasin pittoresque*, 1849, p. 18. В качестве источников автор указывает: «Об этом были написаны статья в *Mercure de France* в сентябре 173<...> года (на месте последней цифры — пробел) и небольшая книжка (название не указано), вышедшая в 1755 году, из которой мы почерпнули сей сюжет».

возникли кое-какие неясные и неполные воспоминания, приходится показывать ему хотя бы изображения, на миг воскрешающие перед ним ту социальную группу и ту среду, от которых он был оторван.

Данный пример — лишь один конкретный случай. Но если повнимательнее проанализировать, как мы что-либо вспоминаем, то мы признаем, что, безусловно, большинство воспоминаний возникает у нас тогда, когда о них напоминают нам родные, друзья или другие люди. При чтении научных сочинений по психологии, посвященных вопросам памяти, вызывает большое удивление, что человек рассматривается в них как изолированное существо. Возможно, для понимания наших психических операций необходимо на первом этапе изучать именно самого индивида, отсекая все его связи с обществом ему подобных. Однако свои воспоминания человек, как правило, приобретает, восстанавливает в памяти, узнает и локализует именно в обществе. Попробуем сосчитать, сколько воспоминаний возникло у нас в течение дня в процессе прямого или косвенного общения с другими людьми. Нам станет ясно, что чаще всего мы обращаемся к своей памяти лишь затем, чтобы ответить на вопросы, которые они нам задают или могли бы задать. Причем, чтобы ответить, мы встаем на их точку зрения и рассматриваем самих себя как членов той же группы или тех же групп, что и они. Но ведь если это верно для многих наших воспоминаний, то не верно ли это для них всех? Чаще всего я вспоминаю о чем-то потому, что к этому побуждают меня другие. Их память помогает моей памяти, а моя память опирается на их память. По крайней мере в подобных случаях возникновение воспоминаний не является чем-то таинственным. Не нужно доискиваться, где они находятся, где хранятся в моем мозгу или в каком-либо уголке моего ума, куда я один лишь имею доступ, — ведь мне напоминают о них извне. И те группы, к которым я принадлежу, в любой момент предоставляют мне средства для их воспроизведения, стоит лишь обратиться к ним и хотя бы временно принять их образ мыслей. Может быть, так происходит и во всех остальных случаях?

В таком смысле получается, что существует коллективная память и социальные рамки памяти, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено

в этих рамках и участвует в этой памяти. Если отметить, что спящий на некоторое время оказывается в изоляции, отчасти похожей на ту, в какой он жил бы, если б не соприкасался и не соотносился ни с каким обществом, то становится понятно, почему наше исследование открывается главой (даже двумя главами) о сновидениях². В такой момент человек не может, да ему и не нужно, опираться на рамки коллективной памяти. И мы можем определить действие этих рамок, наблюдая, что происходит с индивидуальной памятью, когда это действие прекращается.

Но не попадаем ли мы в порочный круг, объясняя память индивида через память других людей? Ведь тогда нужно объяснить, каким образом вспоминают о чем-либо и эти другие. И прежняя проблема встает снова в тех же самых словах.

Если прошлое возникает вновь, не так важно, возникает ли оно в моем или в чужом сознании. Почему же оно возникает вновь? Могло бы оно проявиться, не сохранившись нигде? Недаром в классической теории памяти изучается сначала приобретение воспоминаний, затем их сохранение, а уже потом их восстановление. В случае, если мы не хотим объяснять сохранение воспоминаний процессами мозговой деятельности (действительно, это объяснение не слишком ясно и вызывает серьезные возражения), то, по-видимому, единственной альтернативой будет признание того, что воспоминания как психические состояния пребывают в нашей душе в бессознательном виде и вновь становятся сознательными, когда мы вызываем их в памяти³.

² Глава I, ставшая отправной точкой нашего исследования, печаталась как статья — практически в том же виде, как здесь: в журнале *Revue philosophique* за январь — февраль 1923 года.

³ М. Хальбвакс выступает здесь как последователь Эмиля Дюркгейма, считавшего влияние коллектива основополагающим в функционировании памяти индивида. В этом он отличается, к примеру, от своего современника Габриэля Тарда, по мнению которого часть навыков душевной деятельности человек получает в рамках физиологического существования, а часть — при социальном взаимодействии. Одновременно во Франции существовала психоневрологическая школа, изучавшая сознание человека с точки зрения биологии. — *Примеч. ред.*

Таким образом, лишь по видимости прошлому суждено разрушиться и исчезнуть. Каждый индивид мысленно тянет за собой всю вереницу своих воспоминаний. При этом можно допустить, что, если угодно так сказать, памяти разных людей оказывают друг другу поддержку и взаимопомощь. Но тогда то, что мы называем коллективными рамками памяти, оказывается всего лишь результатом, суммой, сочетанием индивидуальных воспоминаний многих членов одного отдельного общества. Вероятно, такие рамки и помогают задним числом классифицировать их, соотносить воспоминания одних с воспоминаниями других. Но они не могут объяснить память как таковую, поскольку сами предполагают ее существование.

Изучение сновидений уже дало нам весьма серьезные аргументы против тезиса о сохранении воспоминаний в бессознательном состоянии. Однако требовалось показать, что на самом деле за пределами сновидения прошлое не возникает вновь неизменным. Все указывает на то, что оно реконструируется, исходя из настоящего⁴. С другой стороны, требовалось показать, что коллективные рамки памяти не образуются задним числом при сочетании индивидуальных воспоминаний, а также не являются просто пустыми формами, в которых откладываются приходящие извне воспоминания. Напротив, они являются орудием, которым пользуется коллективная память для воссоздания таких образов прошлого, какие в данный период согласуются с господствующими общественными идеями. Доказательству этого отведены главы III и IV настоящей книги, посвященные реконструкции прошлого и локализации воспоминаний.

По завершении этой части исследования — по большей части критической, но в которой, однако, мы сформулируем основы социо-

⁴ Конечно, мы не отрицаем, что возникшие однажды впечатления могут сохраняться некоторое время, иногда продолжительное. Но этот длящийся «резонанс» совершенно не похож на то, что обычно считается «сохранением воспоминаний». Он разный у разных людей вне всякого социального влияния и, вероятно, у разных живых существ. Он относится к какой-нибудь области психофизиологии, или даже области социальной психологии.

логической теории памяти, — требуется непосредственно рассмотреть коллективную память как таковую. Ведь в самом деле, мало показать, что индивиды, вспоминая о чем-либо, всегда пользуются социальными рамками. Требуется встать на точку зрения самой группы или разных групп. Собственно, обе эти проблемы не только тесно взаимосвязаны, но и образуют одно целое. Можно с одинаковым успехом говорить, что индивид в процессе воспоминания встает на точку зрения группы и что память группы осуществляется и проявляется через память индивидов. Поэтому в последних трех главах речь идет о коллективной памяти или традициях семьи, религиозных групп и социальных классов. Разумеется, встречаются еще другие виды общества и другие формы общественной памяти. Но, ввиду необходимости оставаться в ограниченных рамках, мы сфокусировались лишь на тех из них, которые казались нам самыми важными и подступиться к изучению которых нам позволяют наши прежние исследования. Вероятно, именно по этой последней причине глава об общественных классах превосходит по длине все остальные. В ней мы вновь высказываем и пытаемся развивать некоторые идеи, уже выраженные или намеченные нами ранее.